

Человек родился актером

ГОДА два назад я впервые попала в Ереванский театр музыкальной комедии, причем попала случайно: знакомый художник пригласил меня посмотреть оформленную им постановку. Спектакль мне понравился, декорации тоже, и с того памятного дня я открыла для себя скромный театр, лежащий между двумя главными ереванскими площадями.

Но открыть для себя какой-нибудь театр — это значит в первую очередь открыть полюбившихся тебе актеров. И, признаюсь, идя на музыкальную комедию Ю. Геворкяна и А. Папаяна «Ереванские розы», я думала о том, какой грацией своего таланта блеснет сегодня мой давний любимец Ким Ерицян. Что добавит к своему заслуженно широко известному Пылы Пуги?

Давно люблю я эту роль карабахского простачка и Кима Ерицяна в этой роли. Более того, сам Пылы Пуги и Ким Ерицян, как-то незаметно слились для меня в одно целое, и мне теперь не так-то легко разнять их в своем сознании, заставить себя думать о полной независимости личности актера от этой, как будто специально написанной для него, роли.

Много раз я задумывалась над тем, что помогает Киму так доносить до зрителя эту сложную, требующую предельной искренности, роль. Прекрасная дикция? Находящаяся всегда единственно подходящая мимика? Кажущаяся немедлостью и скванностью движений, с которыми, как у комика в цирке, с универсальным умением делается все? Да, это конечно, помогает Киму, который одарен широко и очень заметно, но все же главное его умение то, чем он «держит зал», состоит в удивительно быстрой и безошибочной реакции на ту или иную реплику персонажей.

Подобная реакция одного из главных героев всегда электризует и подчиняет себе всех действующих лиц, а, бывает, что и с успехом заменяет режиссерские акценты. Таково уж обаяние, магнетическое действие таланта. И в комедийном искусстве без такого магнитного поля просто не обойтись: комедия, фарс без него расползется по швам. Удача «Пылы Пуги» несомненна. Комедия эта шла 250 раз — цифра рекордная. Спектакль успешно шел бы и далее, но — объективная и забавная заминка — от частого употребления обветшали декорации и до создания новых комикку пришлось чаще время покинуть свой боевой пост.

Не без сожаления простился Ким и с другой остро памятной ему ролью — ролью сыщика Кавалькадоса в оперетте Ю. Миллютина «Поцелуй Чаниты». Его Кавалькадос, не очень-то удачливый в сыских делах, личность глубоко комедийная, вызывающая сложные чувства, заставляющая о многом передумать. Как и в «Пылы Пуги», зал то стонал от гомерического хохота, то затахал в печали и сочувствии. Роль эту актер вел, однако, легко, и сдержанно, с

большим тактом, стараясь не очень-то «нажимать на педали», не прорываться в открытый и открытый гротеск.

Мне давно хотелось поближе познакомиться с Кимом Ерицяном, услышать от него самого о его работе комедийного актера. И вот крохотный «Запорожец» Кима везет меня по небывало снежному Еревану на далекую улицу Фурманова, где живет актер со своей семьей. Ким умело ведет машину, а я с тайным удовольствием узнаю его быстрые, порывистые движения, знакомые выразительные, тронутые легкой грустью глаза, и тонкие «говорящие» пальцы — руки музыканта. Ким и в самом деле очень музыкант: он с детства играет на аккордеоне, в школе даже руководил самодельным ансамблем. О музыке он говорит нежно и взволнованно, так, как говорят только о неосуществленных,

но не отпускающих душу мечтах. Но эта самая музыка, хоть и не ставшая явным и главным признаком, все же весьма помогла Киму, постоянно связанному с вокальным и хореографическим искусством.

Я листаю большой альбом с фотографиями актера, и опять вспоминаю его персонажи, созданные им за 13 лет работы в театре. Передо мной проходят роли не только разные ошеломляюще противоположные, но иногда даже противоположенные друг другу. Если бы я каждый раз не узнавала характерное лицо Кима, а бы ни за что не поверила, что все это может сделать один человек. Вот 14-летний Ваник в «Ошеломляющем ударе» А. Папаяна — роль беспокойного, задиристого отрока, почти совсем ребенка. Вот дряхлый старик, совершеннейшая развалина в пьесе Шекспира «Много шума из ничего». Роли противоположны не только по резкому разграничению возрастов, но и по глубинной психологической обусловленности проявлений и реплик.

Пьеса Е. Огяна «Чаршылы Артин-ага» требовала огромной тренировки в западноармянском языке. Нелегко было от исконного тифлисского акцента, родного Киму, переходить к карабахскому диалекту «Пылы Пуги», а тут надо было еще овладеть западноармянским. Ким с особой теплотой и благодарностью вспоминает своего педагога по театральному институту — Айкуш Гарагаш, которая отработывала с ним сценическую речь и во многом способствовала той выразительности, какой добивается Ким в лучших своих ролях.

И опять я вспоминаю роли Кима, — вот «Финалка Монмартра» Кальмана, вот «Две девушки» Ш. Джорджуа, вот «Цена головы — 50 миллионов» Ж. Арутюняна, вот, наконец, «Любовь под звездами» А. Айвазяна, — оперетта, как всегда у Айвазяна, подвижная, легкая, очень мелодичная. Вот и одна из последних удач Кима — роль Армена в «Ереванских розах» Ю. Геворкяна и А. Папаяна. Роль очень эффектная, но и очень сложная — дуплановая. Это фактически две роли в одной.

Не сразу, не вдруг пришел Ким в кино и на телевидение, но раз придя, оставил о себе яркую память. Сыгранная им роль убогого дьячка Киракоса в кинофильме «Парни музкоманды» сразу же сделала Кима популярным. Свою лепту внес и телефильм «Губная помада № 4» с запоминающимся мужем-ревнивцем, сыгранным Кимом тоже обнаженно, гротескно.

Мы говорим с Кимом о жанре музыкальной комедии, жанре, едва ли не самом трудном из всех театральных, о той универсальности, которая необходима актеру не просто комедийному, но опереточному. Говорили и о мстительности этого жанра, который не спускает актеру любой половинчатости, любой незавершенности и поверхностности отделки. Но и о самом, пожалуй, благодарном из жанров — древнейшем и самом демократическом из искусств — искусстве комедии.

Отдельно я думала о досадном порой запаздывании лавров, причитающихся актеру за его нелегкий труд. Но что значат все звания и поощрения в мире в сравнении с тем всегда правильным, предельно искренним откликом зала, заменить который настоящему актеру не может ничто. Ради этой чуткой реакции в конечном счете вообще живет и дышит искусство.

Уже дома, подводя итог этого насыщенного и приятного дня, я думала о том, что впредь нас ждет еще одна радость — новая роль Кима Ерицяна «В восточном дантисте» А. Айвазяна по мотивам А. Пароняна. И, возможно, скорейшее восстановление «Пылы Пуги», с которого, собственно, и начался для меня и для многих, Ким Ерицян.

Н. СААКЯН.